

„Культура”

*Издано в сотрудничестве
с Институтом литературной Культуры в Париже
тиражом 400 экземпляров, в том 100 нумерованных*

[]

Юзеф Чапский

„Культура”

*Институт Книги
Краков – Варшава 2016*

*Издано к 110-ой годовщине со дня рождения
Редактора Ежи Гедройца
и 70-ой годовщине учреждения
Института литературного*

Тридцать лет — огромный кусок жизни для всякого человека, тем более для журнала, да еще эмигрантского. Основанный 30 лет назад Ежи Гедройцем, им же руководимый и редактируемый до сего дня, журнал «Культура» выходит сейчас тиражом 7 тыс. экз., из которых шесть расходятся по подписке, а тысяча предназначена для Польши и разными путями туда доходит.

Нелегко в коротком тексте охватить годы существования «Культуры», достоинства многочисленных текстов, которые в «Культуре» появились, неустанное расширение контактов с Польшей, с Восточной и Западной Европой, с Америкой и с целой сетью наших представителей во всех частях света. При этом сразу надо отметить, что «Культура» — это не только сам ежемесячный журнал, который без всяких перерывов выходит с 1947 года, это еще и «Зэшиты хисторычне» («Исторические тетради»), начавшие выходить в 1953 году. В них читатель находит документы и исследования по новейшей истории Польши.

Нельзя не вспомнить и еще об одной линии издательского дела — о „Библиотеке «Культуры»”, в которой до весны этого года вышло уже 275 книг. Среди них *Собрание сочинений* Витольда Гомбровича — его *Дневник*, занимающий в сочинениях три тома, первоначально регулярно появлялся на страницах «Культуры». Чеслав Милош издал

здесь свои стихи, эссе и романы, среди них самый, пожалуй, прекрасный — *Долина Иссы*, а также книгу, которая в свое время была мировым бестселлером — *Порабощенная мысль*. Двумя изданиями вышел *Иной мир* Герлинга-Грудзинского — одна из первых книг о ГУЛаге, который он пережил; изданы его же эссе, рассказы и *Дневник, который пишется ночью*. Лешек Колаковский выпустил у нас *Присутствие мифа* и первый том *Главных течений марксизма*.

Не забыть нам и тех писателей, которых унесла смерть, — Ежи Стемповского, Марека Хласко и многих других. О вышедших у нас переводах с русского и украинского скажу позже.

Мы печатали также многих писателей, живущих в Польше. До недавнего времени многие из них, хотя далеко не все, печатались у нас под псевдонимами. Среди наших авторов самыми выдающимися можно назвать Томаша Сталинского (псевдоним), Ежи Анджеевского, Казимежа Орлося, Яцека Березина. Последнее время в новой серии «Без цензуры» авторы из Польши выступают только под своими именами. Первые книги этой серии — сборник новелл Богдана Мадея и поразительные свидетельства адвоката Анели Стейнсберговой, защитника мучимых и пытаемых жертв госбезопасности на послевоенных политических процессах.

Почему именно мне выпало написать о «Культуре»? Дело в том, что я был связан с журналом с момента его возникновения, однако сейчас уже годами нахожусь на периферии свободно понимаемого коллектива, так что

могу писать, не подвергая себя подозрениям в хвастовстве или, наоборот, ложной скромности.

Что же я знаю об организационной работе — основе существования журнала, в которой сходятся все ниточки? Хотя бы то, что, возвращаясь, как случается, поздно из Парижа, я застаю еще Зофью Герц, стучащую на машинке и, как всегда, не знающую ни дня, ни часа, если «Культура» требует ее труда. Именно ее ум и страсть к работе скрепляет всю организацию «Культуры». Когда я встаю утром и застаю за завтраком полупустой стол, это значит, что Зыгмунт Герц и Хенрик Гедройц, брат редактора, еще на рассвете уехали в Париж и уже занимаются там отправкой журнала во все стороны света. Что же еще я знаю сверх того, что, в какой бы час ночи я ни возвращался, окна Гедройца всегда светятся — это его излюбленное время чтения присланных рукописей, потому что весь день он проводит на вахте в своем до потолка загроможденном книгами и папками кабинете, без единого дня отпуска или отдыха уже 30 лет, в то время как рядом его брат с дотошностью швейцарского часовщика регистрирует, записывает и переписывает подписчиков со всего света, их постоянно меняющиеся — как водится у эмигрантов — адреса, проверяя при этом не всегда регулярную плату за журнал и, как тигр, оберегая свои картотеки.

Когда мы входим в монастырь, мы слышим журчание молитв, — здесь до нас доходит шелест двух голосов, чтение корректуры. Уже почти десять лет Густав Герлинг-Грудзинский, один из основателей журнала, — снова с нами, и каждые несколько месяцев наезжает сюда из Неаполя. Теперь,

возвращаясь из Парижа, я вижу еще одно освещенное окно и его макушку, склоненную над грудой рукописей или над его собственными текстами для «Культуры».

В моем описании не хватает — и никто нам его не заменит — Юлиуша Мерошевского. Совсем недавно мы его утратили. С самого возникновения «Культуры» он ежемесячно вел, присылая из Лондона, политическую хронику журнала.

* * *

Каждый внимательный читатель «Культуры» знает, что она стремится быть в первую очередь политическим журналом. Ее положение было бы совершенно иным, если бы она пошла исключительно по линии культуры и литературы, — как это нам не раз советовали. На этой политической направленности я и хотел бы сделать здесь ударение. Исходная точка всего, что делал наш журнал, — попытка обдумать и вычленить такую линию действий, которую мы должны проводить, исходя из позиции неприятия навязанной нам извне польской политической реальности. Мы знали также, имея аналогичные примеры польской эмиграции XIX века, как трудно сохранять на чужбине большие организационные формы, как быстро они подвергаются распаду. Печатное же слово, наоборот, всегда имело и продолжает иметь в нашей части Европы огромную силу воздействия.

После перевитого нами краха, после того, как распалось всё прежнее устройство нашего континента, мы

чувствовали потребность переосмыслить ситуацию в атмосфере полной свободы, не отягощая себя грузом даже самых чтимых авторитетов, без инстинктивного мышления в категориях государства, переставшего существовать как независимое. Мы хотели выйти за пределы этой инстинктивности, которая приводит к бесчисленным политическим табу и постоянно ослабляет либо делает вообще невозможными любые действия в новом соотношении сил.

Форма очень свободного коллектива, особенно в период возникновения «Культуры», создала журнал открытый, который давал и дает слово людям, никогда бы не вместившимся в жесткие рамки организации.

В то же самое время защита, иногда — до крайностей, полной независимости журнала диктовалась ощущением, что, несмотря на все катастрофы, Польша продолжает занимать особое положение в Восточной Европе, играть особую роль, несоизмеримую с ее нынешними возможностями и статусом средней, бедной страны, — роль, смысл которой должны сформулировать мы, поляки.

С самого начала «Культура» была нацелена на восприятие в Польше. Смысл «Культуры» мы видели в расширении и укреплении постоянного контакта со страной, единственного пути воздействия на общественное мнение в Польше. И в этом мы проходили через трудные и даже драматические периоды. Борьба режима с нашим журналом росла всегда по мере того, как режим осознавал наши контакты с Польшей и наше влияние. Не один из наших друзей в Польше заплатил годами тюрьмы за

желание сотрудничать с нами или помочь в распространении журнала.

Одним из первых шагов, подчеркивающих нашу связь со страной, было издание антологии рассказов военного времени, в значительной степени включавшей авторов в Польше. В свое время мы первыми издали также книгу эмигранта, который съездил в Польшу и свободно изложил свои впечатления. К этой же линии тесного контакта и знания положения в стране относилось издание пяти специальных выпусков, суммы сведений обо всех аспектах тогдашней Польши.

С самого начала мы были противниками резолюции лондонского Союза польских писателей, запрещавшей выпускать книги в Польше, мы считали, что можно — и даже нужно — печататься в стране, при условии неподчинения цензурному давлению. Примером этого может служить позиция Гомбровича. Мы всегда считали, что контакты с миром науки, искусства, вообще — с творческим миром в Польше необходимы, только речь должна идти о действительных тружениках поля культуры, а не о лжеученых и пропагандистах. Мы старались сотрудничать со страной и путем издания книг и статей, удивительными путями добравшихся к нам оттуда. В последнее время их доля неизмеримо выросла.

Я уже вспоминал о недавно скончавшемся Юлиуше Мерошевском. Его политические статьи, появлявшиеся столько лет в каждом номере журнала, вызывали всё больше плодотворных, нередко и резких споров. Его обвиняли — как и журнал в целом — в изменчивости и мно-

жественности концепций, начиная от поддержки любой борьбы против коммунизма (эпоха корейской войны) и до теории мирной эволюции. Если же сосредоточиться только на польских делах — от бескомпромиссной борьбы с режимом до кратковременного положительного отношения к Гомулке в 56 году (вплоть до того, как Гомулка закрыл журнал «По просту», первое в тех условиях выражение не искаженного цензурой молодого критического мышления и честного наблюдения жизни в стране). Дальше были попытки поддержать отечественных ревизионистов разного толка и, наконец, последний период, когда начали вырисовываться возможности более широких движений, имеющих социальную основу и требующих новых размышлений и контактов.

В смене политических концепций «Культуру» часто упрекали люди, которые вели и ведут себя так, словно рассчитывают только на действия тех или иных возможных союзников, а то и прямо на чудо — на временно отложенный «приговор исторической справедливости». В «Культуре» никто не верил в неизбежность такого дара небес, который дал бы отпущение пассивности ума, замененного жестами благородных протестов и многолюдных торжеств.

* * *

Польская довоенная политика до самого 1939 года целиком выводится из традиций 1863 года; начиная с выдвигающейся во главу этой эпохи фигуры Юзефа Пилсудского и до его сторонников и противников — все они были

отмечены этой эпохой. «Культура» пыталась и пытается перевести политику этой эпохи, завершенной в 1939 г., на политический язык эпохи после второй мировой войны. Линия «Культуры» уже долгое время кристаллизуется на основе следующих посылок:

Нельзя рассчитывать на Запад — этому нас научила, в первую очередь, история последних тридцати лет.

Мы должны готовить почву для нормализации отношений с нашими соседями, а среди них — прежде всего с бывшими польскими национальными меньшинствами.

Вопросы Литвы и Украины, Вильно и Львова требовали от нас преодоления наросших за века истории патристических «аксиом» — нет политики без жертв. Болезненный для каждого поляка отказ от Вильно и Львова в пользу Литвы и Украины вызвал сильнейшие протесты в эмигрантской прессе. Эти реакции очень близки к реакциям российским по поводу сепаратистских, направленных на независимость устремлений прибалтийских государств, а тем более — Украины. Наше отношение к Украине: том антологии украинской поэзии, составленный Юрием Лавриненко, *Расстрелянное Возрождение* издан у нас рядом с книгами Ивана Кошелівца и Бориса Левицкого.

«Культура» стремилась возбудить у поляков интерес к Чехословакии. Сразу после вторжения 68 года мы издали специальный номер «Культуры» по — чешски. Наши высказывания и наши статьи о Германии шли по линии отношения к немцам без комплексов прошлого.

Дальнейшее политическое развитие тесно связано с развитием ситуации во всем восточном блоке, а прежде

всего — в России. Мы должны искать взаимопонимания с либеральными оппозиционными силами в Советском Союзе, помня и о значении, которое может иметь для России положение в Польше. Октябрь 56 года, как и события на Побережье в декабре 1970, усилили заинтересованность оппозиционных кругов Польшей, июньские события прошлого года могли только обострить этот интерес, и это тогда, когда возникают проявления солидарности в Советской России, Польше и Чехословакии.

Надо не только нормализовать отношения с Россией, но и создать дружественные отношения в будущем, для этого мы должны преодолевать старые травмы, которые заложены в самых основах политического мышления большинства поляков, — но не путем националистической политики Дмовского, который еще в начале XX века связывал будущее Польши и России путем союза с правительственными и консервативными силами, отвергая всякий либерализм и существование свободолюбивых стремлений народов, входящих в состав империи.

Нам кажется ясным, что установление политических отношений с Россией может идти только путем взаимопонимания с либеральной Россией, ее представителями. Если бы эти круги пришли к власти, они должны были бы, видя угрозу насильственных центробежных движений, признать свободолюбивые стремления народов, населяющих Советский Союз. В какой форме? Не нам и не сегодня это предрешать.

С первых же номеров «Культуры» нам было чуждо отождествление России с Советским Союзом и дешевое кли-

ше, гласящее, что любая Россия — царская, либеральная или советская — непременно нам враждебна. Статьями на русские темы, изданием книг мы хотим познакомить польского читателя с сокровищами русской литературы последних лет. Первой на Западе «Культура» издала Синявского и Даниэля, мы издавали Пастернака, Солженицына — два первые тома *Архипелага ГУЛаг* (третий переводится), *В круге первом* и *Раковый корпус*, сборник рассказов *В собственных глазах*, где среди других русских писателей перевели и Максимова.

Нельзя не вспомнить и наших отношений с русской эмиграцией, которая в мою жизнь вошла еще с 1919 года (Мережковские, Савинков, Философов, Бердяев, Шестов, не говоря о близких друзьях, которые к литературному миру, даже в самом его широком значении, не принадлежали). Если же говорить о встречах, связанных с «Культурой», то одной из самых драгоценных была наша дружба с Алексеем Ремизовым. Этот — как он сам себя называл, «вербаля – тор» — словотворец, слепой и до последнего дыхания творчески активный великий русский писатель, обладал глубоким чувством Польши и видел взаимные отношения обеих стран в перспективе истории, начиная с наиболее близкого ему XVII века, когда западные влияния приходили в Россию через Польшу, а также глубоко интересовался польской поэзией — особенно Норвидом. Уже в 1951 году мы печатали фрагменты его, тогда еще неизданного, романа.

Новый важный этап установления отношений с Россией начался с притоком новой эмиграции или высылки,

начиная с приезда Синявского, потом Солженицына и нашей встречи с ним и, наконец, возникновения журнала «Континент».

Редактор «Континента» Максимов, давая Герлингу-Грудзинскому интервью для «Культуры», рассказал, как он выезжал из России «с гвоздем в голове: мыслью об основании журнала». Об этом он написал Солженицыну, который ему ответил: «Я думаю, Вам надо обязательно связаться с поляками из ‘Культуры’ и с эмиграцией венгерской и чешской». Так и произошло. Сейчас «Культура» и «Континент» — это журналы, которые во многом работают в одном и том же направлении и одновременно путем личных контактов создают возможность искреннего обмена мнениями по вопросам, жгучим как для русских, так и для поляков.

* * *

Как постоянно изменяющаяся международная ситуация, так и происходящие в Польше сдвиги требуют всё нового и нового анализа.

«Культура» включалась и включается во всё, что может пробудить чувство ответственности, что политически активизирует общество. Всякий кризис тоталитарного устройства может быть попыткой кристаллизации устойчивой оппозиции. Стремление «Культуры» — быть одним из сборных пунктов этой оппозиции, по возможности — не единственным. «Культура» инстинктивно противостоит всем априорным суждениям и осуждениям, пре-

доставляя возможность высказаться и принять участие в общей борьбе даже своим противникам. Кто-то сказал, что в Польше нет надобности в самиздате, раз существует «Культура» и «Библиотека 'Культуры'». Мы думаем, что это неверно. Идеалом «Культуры» было бы стать базой для самиздата, приходящего из Польши. Даже строгая, не выходящая за рамки объективной информации о фактах «Хроника текущих событий», систематически издаваемая в СССР, стала ценным связующим материалом для всё более широких кругов советских граждан.

Лондонский журнал «Экономист» написал о диспропорции между колоссальным советским аппаратом и сравнительно скромным движением советских «диссидентов» и задал вопрос: откуда же эта истеричность, с которой как будто паровым молотом ударяют по орешку? Ответ «Экономиста»: может быть, этот молот знает об орешке больше, чем мы.

У нас в периоды относительной, точнее — мнимой, стабилизации, когда общество начинает впадать во всё большую пассивность, маленькие группы каждый раз приобретали всё большее значение. «Культура» — их трибуна и адрес. Все до сих пор известные группы, идейно-оппозиционные к нынешнему режиму, в конце концов находили дорогу в «Культуру» и могли громко высказаться с ее страниц или в книгах, издаваемых «Культурой». Из высказываний эмигрантов последней волны, 1968 года, — видно, как «Культура» подтачивала даже цитадели власти. Одно дело — думать и сомневаться, другое — увидеть собственные мысли и сомнения в печати.

Сколько в течение этих 30 лет напечатала «Культура» весомых текстов из Польши, таких свидетельств, как подробное изложение (с уточняющими истину комментариями) разговоров Герека с рабочими щецинской верфи, сколько литературных произведений вплоть до самого молодого поколения, до Яцека Березина и Станислава Баранчака.

До недавних времен «Культура» доходила почти исключительно до кругов интеллигенции, но времена меняются, мы ищем путей, которые могли бы обеспечить скромный, хотя бы частичный, контакт с рабочими. Возникновение Комитета защиты рабочих сблизило в Польше эти два мира, интеллигенцию и пролетариат, чего не было еще во время рабочих волнений 1970–71 гг., когда интеллигентские круги заняли, в основном, позицию осторожного выжидания. Комитет защиты рабочих объединил оба мира в открытой борьбе за права человека, законность и демократию. Совсем недавно «Культура» издала сборник документов «Соппротивление. Польша — Чехословакия».

С первых дней существования журнала мы противостояли всякому национализму в Польше, в том числе и антисемитизму, который был снова призван на помощь нынешним режимом в 1968 году, позоря имя Польши. Мы боремся за Речь Посполитую, свободную от национального фанатизма, мы стараемся развить чувство того, что не одна Польша, но и вся Центральная и Восточная Европа — наше общее отечество. Не безумны ли эти мысли сейчас, когда Польша из ягеллонской стала пястовской и му-

жицкой, не романтика ли это? «Когда тебе говорят, что головой стену не пробьешь, не верь тому».

Каждый из нас, кто сознательно пережил последние десятилетия европейской истории, мог бы возразить скептикам, сославшись на бесчисленные и решительные перемены в настроениях, во взаимоотношениях стран, еще недавно «навек» враждебных друг другу, а ныне примиренных. Сколько при этом дальнозорких планов, почитавшихся утопиями, уже в наш век было — то к счастью, то к несчастью человечества осуществлено.

Польша, за которую борется «Культура», — это не утопия.

[Перевод *Наталии Горбаневской*]